

сознанія, наслѣдственную склонность, грѣхъ. Въ этомъ-то личномъ совершенствованіи и заключается весь смыслъ индивидуальнаго прогресса, прогресса нравственной личности, по ея собственному, свободному почину. Такой прогрессъ ближе, понятнѣе, доступнѣе и дороже натурамъ левинскаго склада,—и вотъ почему гр. Толстой могъ, въ IV томѣ, отрицая, съ одной стороны, всякій прогрессъ, какъ общій законъ человѣчества, въ то же время признавать этотъ общій законъ прогресса «начертаннымъ въ душѣ каждаго чело-вѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносящимся въ исторію» (см. «Прогрессъ и опред. образ.»). Не отрицать прогрессъ нужно было бы ему, а указать лишь на то, что человѣчество, живя различными и неуловимыми для опредѣленія сторонами своего бытія, не можетъ одновременно прогрессировать всеми этими, столь многоразличными сторо-нами, а непременно одна изъ нихъ, при прогрессированіи въ общемъ, будетъ отставать,—указать на тотъ, напр., фактъ, что современная цивилизація, давая болѣе матеріаль-ныхъ благъ и удобствъ, достигаетъ всего этого на счетъ личности, ея свободы и индивидуальнаго развитія, что, при богатствѣ нашемъ умственномъ и техническомъ, осталась пренебреженною и забытою другая внутренняя сторона души, заявляющая законное свое право на восстановленіе; словомъ, относясь не такъ страстно къ дѣлу, гр. Толстой могъ бы повторить вмѣстѣ съ Кавелинымъ, что «исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, разви-ваясь рядомъ, бокъ-о-бокъ, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, приостанавливая и заслоняя другое. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣня-лись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требо-